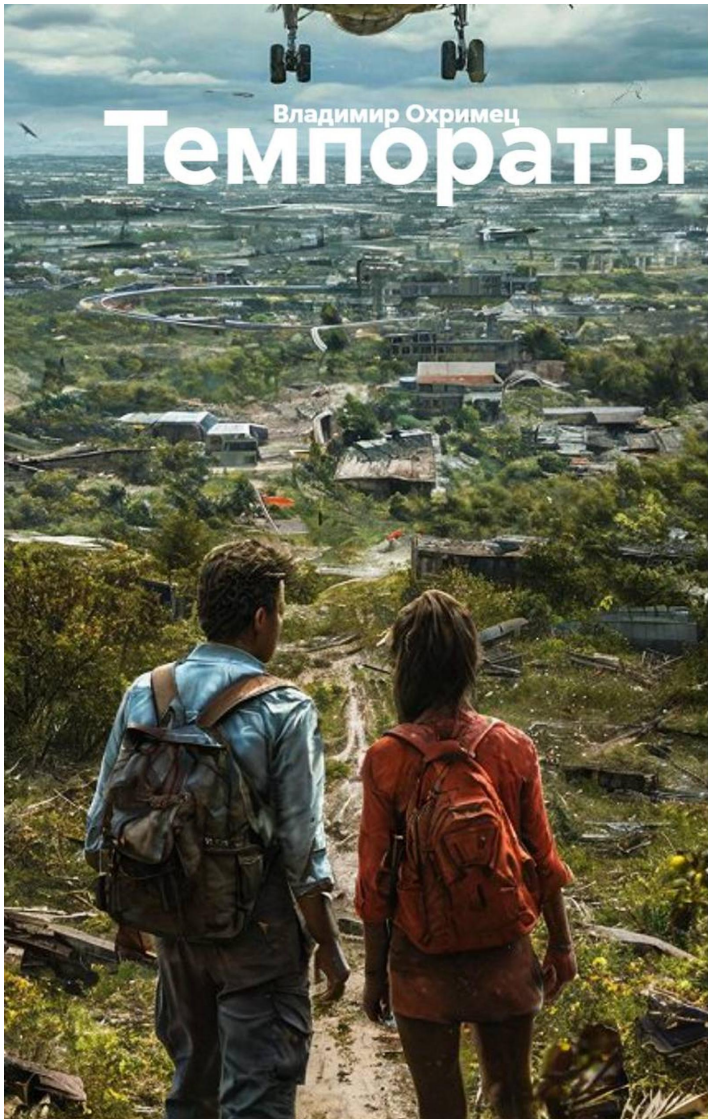

Владимир Охримец

Темпораты

Владимир Охримец

Темпораты

<https://litres.ru/74100701>

SelfPub; 2026

Аннотация

Привычное ожидание взлета рушится и превращается в чужой, разрушенный ландшафт. В центре сюжета — эмоциональная и физическая борьба главного героя за выживание вместе со стюардессой Алиной: они попадают в загадочное поселение, где живут такие же как они, случайные люди. и всех их собрали здесь для чего-то непонятого. Рассказ сочетает плотные сенсорные детали, иронию героя и элементы фантастики/ сюрреализма, поднимая темы идентичности, ответственности и смысла человеческих связей в условиях катастрофы и испытаний.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владимир Охримец

Темпораты

Глава 1

Самолет стоял очень долго. Двигатели периодически запускались на проверку, затем глушились, снова запускались, и у меня возникало предчувствие какой-то неполадки с самолетом и, как следствие, скорой высадки всех нас с борта лайнера. Но, если даже с самолетом все было в порядке, значит, экипаж просто ждал разрешения на взлет. Но, что-то уж очень долго ждал.

В салоне было душно. Хотя и зима была снаружи – градусов десять мороза, но вентиляция, видимо по случаю холодов, работала на полную мощность, и из нее дул горячий воздух. Так бывало, конечно, на моей памяти. Но редко. Я уже прикрыл клапан на дуйке над моим креслом, но вокруг было безобразно жарко и без нее.

Юркие стюардессы, истерзанные звонками от пассажиров, носились по проходу с подносами, заставленными минералкой и спрайтом. Распаренные тела все больше распространяли в воздухе волны духов, одеколona и нечистых носков.

- Пристегните, пожалуйста, ремень. - Мягко сказала одна

из девушек в форме. На ее золотом бэйджике я разглядел имя - Алина. До того момента я отстегнулся, чтобы достать воду из своей сумки, лежащей в отделении для ручной клади наверху, но, вернув сумку на место, забыл приладить ремень обратно. Хотел было что-то съязвить относительно жары и непонятого ожидания. Вполне возможно мы и не полетим никуда, но посмотрев на нее, потерял всякое желание спорить и только кивнул.

Красивые женщины меня и раньше выбивали из равновесия, но эта девушка, высокая, как баскетболистка и стройная, как фотомодель с глянцевого журнала, сейчас просто подавила меня своей женственностью. Дежурной улыбкой поблагодарив, она тут же ушла, а я еще какое-то время находился под впечатлением от ее зеленых глаз. Таким, как она, улыбки давались легко, можно сказать, профессионально легко, но для таких, как я, они были откровением.

Когда, наконец, самолет начал разгоняться, меня вжало в кресло. Я прикрыл глаза. Едва колеса оторвались от полосы, вибрация сразу закончилась, и нос резко задрался. Мы взлетели и быстро набирали высоту.

Спустя какое-то время, шум двигателей выровнялся и немного стих. Погасло табло «Пристегните ремни» и с переднего ряда салона эконома класса поднялся странный субъект в шортах, майке и с ярким, словно окрас попугая, шейным платком, видимо надетыми по случаю приближения Нового года в Москве. Такие, или подобные ему, платки носи-

ли ковбои. Они помогали защищать лицо от пыли и песка во время скачки в прериях. Но сейчас он смотрелся, словно пионерский галстук на верблюде. Парень как-то умудрился поднять вокруг себя невообразимую возню. Он постоянно чего-то просил и требовал, какое-то время еще тихим голосом, но каждая из стюардесс уже подходила к нему по нескольку раз, а сам он то и дело шнырял по проходу в конец салона, решая какие-то, возникшие вдруг проблемы.

Мне, часто летающему на работу и обратно, в голову не могло прийти ничего сколь-нибудь серьезного, тянущего на возможную причину такой суеты. Не считая проблем со здоровьем, конечно. Но судя по цветущему виду «ковбоя» в шортах, он был безнадежно здоров, и эта причина тоже отпадала. Наконец, видимо получив все, что хотел, «ковбой» утихомирился и, выставив ногу в проход, завалился спать.

Остальные пассажиры, едва погасло табло с ремнями, принялись за свои дела. Толстенький мужичек, в майке, с трудом вмещающей его огромное пузо, с трудом достав свое немаленькое тело из узкого кресла, нависал над ближайшим соседом в процессе инспекции ручной клади над головой, и сосед снизу уже закипал от такого соседства с чужой плотью. Несколько человек бродили по салону, натываясь на толстяка и вжимаясь в кресла через проход, чтобы обойти помеху. Им хотелось получить удовольствие от свободы, размять ноги и препятствия они не считали. Были и желающие обмыть взлет и просили стюардесс принести винчика, чтобы затем,

потихоньку раздвигая границы приличия, одну за одной откупоривать сначала крохотные бутылочки, плотнее сбиваясь в небольшие спитые кучки заговорщиков, а потом втихомолку доставая и личные запасы, купленные в зале ожидания.

Здесь, высоко в небесах, выше пушистых хлопьев облаков, выше полета птиц и немного ближе к солнцу, наша жизнь протекала вовсе не хуже, чем на твердом бетоне взлетной полосы. Хотя, справедливости ради стоило сказать, что испытывающие страх перед полетами со мной бы не согласились. Но, количество их бледных и напряженных лиц почти растворялось во всем разнообразии пассажиров, ничуть не боящихся так просто, безо всякого основания или даже, ни с того ни с сего, но упасть на грешную землю. Как бы то ни было, сейчас все мы, объединенные одной общей целью, направлялись по своим делам в другой город.

Перелет должен был быть коротким, и кормить нас не планировалось. Хотя в воде и вине, за плату, разумеется, отказа не было. Так тем и жили, что пили, кто что, и ждали приземления.

Мое время в полете двигалось довольно медленно. Во всяком случае, медленнее, чем обычно. Я ждал чего-то. И ожидая, с интересом пытался поймать взгляд той стюардессы, с таинственным именем Алина. Совсем не стыжусь признаться в этом. Человек я холостой, имею право. Так что, что есть, то есть.

Она часто проходила мимо, сектор ее работы располагал-

ся именно в моем отсеке. Шлейф духов преследовал ее, тонким крылом задевая меня, и я с удовольствием вздыхал его весь без остатка - тропические фрукты с примесью сандала. В мою сторону она больше не смотрела. И это было нормально и ожидаемо. Нас, ловящих ее взгляд, в самолете находилось едва ли не сто человек, не считая грудных детей. Да и они, я уверен, иной раз да задерживали свои задумчивые, мечтательные взгляды на ее груди, прерывая плач или отрываясь от материнской.

Началось снижение и вокруг защелкали ремнями, привязывая себя к креслу. А вскоре, после короткого полета и снижения, наш самолет вздрогнул, выпуская на волю шасси и земля стала стремительно приближаться, проносясь мимо иллюминаторов куда-то назад, в наше прошлое.

Вот и прибытие.

Сели. Самолет вырулил на стоянку. На удивление быстро подъехал крытый трап, и пассажиры гуськом последовали к открывшейся двери. Несмотря на то, что на стоянке меня уже ждал водитель, и он даже отзвонился, я все еще не торопился выходить. Напротив, украдкой оглядывая салон позади себя, все еще старался протянуть время настолько, чтобы успеть всех пропустить впереди себя, пристроиться к хвосту выходящих и выйти последним. Поставив себе такую, несомненно благородную цель, я продолжал возиться с своим рюкзаком, перекладывая вещи и с нарастающим раздражением мысленно торопил запоздавших, достававших и

собирающих свои вещи, пассажиров. Им то что? Им просто делать было нечего со своим запасом свободного времени! Мне же очень хотелось еще немного, в последний раз заглянуть загадочной девушке в глаза. Положа руку на сердце, очень манил этот светлый взгляд. И как мне с этим влечением следовало было бороться? Приходилось подчиняться. Так что уходить, не получив положенную мне порцию света, я не торопился. И теперь они, эти нетактичные, можно сказать, черствые люди, свое нерасторопностью мне очень в этом мешали.

Повезло. Она стояла перед открытой дверью одна. Остальные стюардессы уже отошли по своим делам, и, на мою удачу, обязанность провожать опоздавших досталась ей. Перспектива оказаться с ней наедине, хоть и на короткое время, ввергла меня в состояние легкого ступора. Вроде бы я шел по проходу, приближая момент прощания, цеплялся рюкзаком за кресла салона бизнес класса, но голова гудела от совершенной и девственной пустоты. Из нее будто бы выдуло все мысли без остатка. Или они усохли где-то на стенках черепной коробки, уменьшившись до состояния тонкой сухой корочки. На ум не приходило ничего из того, что можно было бы сказать ей на прощание приличного. Только официоз, записанный за долгие годы в штат вежливых фраз, торчал начальными хвостиками на виду. Но, я не торопился дергать за первый попавшийся хвостик и на этом обрывать наши, не начавшиеся отношения. Хотя, какие там отношения? Пара

дежурных взглядов на мой ремень с ее стороны и одностороннее поглощения ее моим взором, с моей – разве ж это были отношения? Чем же таким интересным можно попытаться заинтересовать эту незнакомую девушку, как оставить в ней хоть капельку памяти о себе? Хотя я и не отдавал себе отчета в том, для чего, собственно, мне это было нужно, но, что-то такое, первобытное, даже дикое, диктовало мне манеру поведения и руководило мной на всем пути до двери самолета. Даже мотивированный своими неясными ожиданиями, я не мог придумать ничего, более-менее удобоваримого, кроме нескольких вежливых слов благодарности на прощание – сухих и бессмысленных. Ничего более полезного в запасе не было. Кажется, на путях остроумного поезда, что иногда, очень редко в моей жизни, но прибывал на нужную станцию вовремя когда-то давно, свалили огромное железное дерево и даже сотне дровосеков с волшебными топорами не помочь мне было с удалением этого препятствия на его пути.

Вот уже и выход. Через шаг от него начиналась площадка пассажирского трапа, по которому в этот момент уже поднимается представитель аэропорта, одетый в светло-зеленую куртку со светоотражающими полосками. Видя меня, он вдруг делает удивленные глаза, сверяется со списком пассажиров в руке и начинает что-то говорить по рации. Кажется, я слишком уж задержался - представитель предупреждает водителя автобуса об опоздавшем пассажире.

Но, даже сейчас я не тороплюсь прощаться. У меня еще есть цель, отличная от целей этого добросовестного работника терминала. Наблюдая, как приближается ее фигурка в черной форме, шитой золотом, вернее, как я подкрадываюсь к ней, словно гепард на расстояние прыжка, начинаю ощущать, как сильно бьется сердце. Кажется, что по моей рубашке даже волны расходятся кругами и пуговицы вскоре отлетят от частоты и интенсивности такого биения. А ноги уже предательски дрожат и все медленнее волокут мое тело по пути прочь из самолета. В последний миг я нахожу в себе силы и, будь что будет, смело гляжу в красивые глаза Алины. И, что вы думаете? Вижу, как в них озорно мечутся искрящиеся смешинки. Кажется, она давно раскусила мою хитрость. И, надо отдать должное ее такту, не стала высмеивать ее на людях.

Неожиданно, все стало по-другому. Не так напряженно и тягостно. Стало даже легко и весело. Вместе с веселостью вернулось желание что-то сказать ей на прощание. Что-то такое хорошее, запоминающееся, остроумное. Ну, мало ли. А вдруг шутка, складывающаяся из обрывков слов, когда-то уже сказанных, сейчас сложится в моей голове. Нужно только начать. Сделать первый шаг, произнести первое... И я даже успеваю открыть рот, чтобы произнести свой экспромт, как вдруг, что-то происходит. Что-то совершенно непонятное, неожиданное и непланируемое.

Все случившееся заняло всего несколько мгновения моей

жизни, но, поскольку я не терял сознания и все прекрасно видел, растянулось для меня в долгий утомительный полет в неизвестное.

Сначала раздался резкий, оглушающий уши хлопок. Как же без этого. Все страшные вещи обычно сопровождаются сильным шумом.

Вокруг все пропало. На мгновение глаза мои окунулись в полную черноту космической тьмы. Потом мир возник снова, но уже в ином порядке. Небо поменялось с летным полем местами, а потом еще раз, уже медленнее. Работники терминала в желтых куртках, видимые в проеме двери, будто птицы в полете разлетелись в разные стороны, чтобы потом слететься обратно и стать единым целым, сформированным в виде темного грача. А может это вовсе и не люди, но части их одежды и инструментов. Внутри меня медленно переворачивается и убыстряется, смешиваясь словно в миксере, выпитая минералка и ранний завтрак в аэропортовском кафе. Перед глазами мелькают разноцветные тени, световые пятна, какие-то детали самолета. И самое страшное, что все это происходит не просто в моем воображении, а на физическом уровне. Я чувствую странные химические ароматы, от тошнотворно сладких, до резких, как острая приправа в китайском ресторане и, возможно от них, меня сильно тошнит. Затем я слышу, как меня обдает потоками воздуха с другими запахами. Они еще более странные и не менее чужие. Потом меня вновь переворачивает. В этот раз, чтобы бросить

на что-то жесткое и оставить там в покое. При этом в ребро резко впивается невидимый стержень и раздается громкий внутренний хруст, который слышен только мне, но оттого он кажется еще более страшным. Кажется, ребро не выдержало удара. От боли я зажмурился и не удержал рвущегося сто-на, но собственного голоса не услышал. Последующие после удара события по той же причине прошли мимо моего сознания, не желая отпечатываться в памяти.

Первая мысль, созревшая в голове после того, как я очнулся, была ожидаемой для нашего непростого времени. «Теракт!»

И открывать глаза стало немного страшно. Боялся увидеть себя умирающим под завалом или в горящем самолете. Боялся пошевелиться, чтобы не обнаружить свои оторванные конечности или располосованный живот. Тот факт, что я не слышал запаха гари, успокаивал не слишком. Я вполне мог просто потерять возможность чувствовать, получив травму позвоночника или головы. Да, и погибнуть, а теперь наблюдать за все этим, отлетая в виде души от своего брэнного тела, тоже мог. Хотя нет. Брэнное было все еще со мной. Потому, что я снова почувствовал боль. И, как ни странно, это обрадовало. Но, ненадолго. Чему я рад? Наверное, вокруг сейчас лежат искалеченные люди, и им требуется помощь. Нет причин для радости.

Вопросы родились, едва только я наконец полностью осознал, что сам, как будто бы жив.

Однако, действительность оказалась чуточку хуже. Хуже не теракта, конечно, а того, чем это может закончиться для меня. Совсем маленькую чуточку, размером со слоновью ляжку.

Когда я открыл глаза и, морщась от боли в боку, приподнялся с острого штыря, на который налетел при падении, осмотрелся, то смог понять одно - все вокруг, насколько охватывал взгляд, уже было другим. Не в том смысле, что мир изменился до неузнаваемости. Имеется в виду, абсолютно все стало иным. Проще сказать, я увидел полную подмену, смену миров.

Во время падения меня выбросило из салона и хорошо, что удачно. До знакомого серебристого борта в облаке оседающей пыли было около пятнадцати метров. Правда и сам борт тоже был едва-едва похож на изначально виденный мной при посадке.

Место, куда меня выбросило, было на некотором возвышении, потому что все вокруг казалось ниже точки моего обзора, хотя, где-то совсем недалеко и подальше, виднелись высокие развалины и какие-то обломки. Развалины? В аэропорту? Уже?

Под ногами оказалось что-то сыпучее и по ощущениям теплое. Песок? И куда делся асфальт? Но дальше, насколько я мог видеть, лежали обломки кирпичей и бетона с рваными краями арматуры. Еще тут были, и глаза мои растерянно идентифицировали то, что видели - части домов, машин и

куски, вырванных с корнями деревьев. Все это вперемешку, так, что казалось, по аэропорту был нанесен ядерный удар. Однако, на взрыв это было не совсем похоже. Дыма, огня, гари или даже запаха всего этого в воздухе не было видно и слышно. Но, и на природное явление, случившееся тоже не походило.

Москва не славилась приступами торнадо или землетрясениями. Перемешать все таким образом, что не стало видно ничего знакомого в аэропорту Шереметьево, за короткое время было просто невозможно. И тут до меня стало доходить, что на Московский аэропорт все увиденное совсем не похоже. Только некоторые обломки, как и обрезок нашего самолета, находившегося рядом со мной, казались новыми. Ну, или почти новыми. Они свободно лежали на грунте. Другие же были старые, ржавые, грязные. Они совсем сгнили или подходили к этому завершающему этапу своего существования, будь виновником этого была коррозия, плесень или мелкие, невидимые представители живой природы с острыми челюстями. Все или почти все они, полностью или частично были занесены крупным желтым песком. А в одном из таких полузасыпанных кусков дерева, я опознал потемневший от времени и изъеденный ветрами и жуками, бушприт старинного корабля с носовой частью, торчащей под острым углом из песка. Полусгнившую конструкцию украшала фигура русалки с обожженным хвостом. Возможно, русалка когда-то была красивой, с тонкой талией, но сейчас ей

не хватало хвоста и самой головы. Зато внизу, под бушпритом, грунт был усеян коричневым прахом того и другого.

Мне повезло. Я только потом понял, как сильно повезло. Попади я головой на один из таких обломков, а не на мягкий грунт Ой-ой-ой-ой. Сейчас хотя бы было чем подумать обо все таком.

Все то, что осталось от самолета, выглядело теперь совершенно по-новому. Вернее сказать, самолета, как такового я уже не видел. Передо мной был один короткий отсек с неровными краями и зияющей дырой выхода, лежащий в перевернутом состоянии, без входной двери, через который я так и не успел шагнуть наружу, к трапу. Похоже, меня вынесло взрывной волной или в общем, чем-то там вынесло. И мне вдруг показалось, что от этого фрагмента доносятся тихие звуки Нет, нет! Точно доносятся глухие стоны! Я прислушался. Но, как назло, звуки утихли. Сколько я ни напрягал слух, ничего слышно не было. Только легкий ветерок, пробираясь между хаоса нагроможденных останков и разгоняя легкую дымку песка, оставленную, похоже, недавним падением моего обломка, посвистывал пустынную песню, да еще поскрипывали неумолимые челюсти похоронной команды для дерева, к моему счастью не питающихся живыми пассажирами. Насчет жуков, вероятно, я приврал. Скорее всего, это в моей голове что-то скрипело и терлось. Видимо, все те же мысли шевелились, рождаясь в муках.

Самолет тоже не молчал. Он издавал медленный скрежет

металлической обшивки, а под ним хрустел вминаемый песок. Кусок самолета, словно гигант на послеобеденном отдыхе, укладывался спать, пристраивая поудобнее свою широкую спину на новом месте. Вокруг него почти улеглась недавно поднятая падением пыль и видимость прояснилась.

Поднявшись на ноги, я почувствовал, как в глазах потемнело и пошатнулся, наклоняясь. В ушах зазвенело сильнее, а теперь еще и в боку заболело и закололо. Что-то нарушилось в моем сером веществе и во всем организме тоже. Я это понял отчетливо, как и то, что еще чуть-чуть, и потеряю сознание. Но даже сквозь этот звон я вновь услышал стоны. Сконцентрировался и, качаясь от навалившейся внезапно слабости и головокружения, кинулся на звуки. Вернее, как кинулся. Попытался быстро пойти, держась за сломанное ребро и набирая разбег. Мысль, конечно, устремилась вперед, туда, где стонала невидимая женщина, только ноги, ставшие чужими, неуклюжими чурками, уж больно от нее отставали. Я еле передвигался по сыпучему грунту. Да и тело болело так, будто на мне отрабатывала удары федерация боксеров и все после хорошего обеда. Только что, совсем недавно отрабатывала.

Чуть не споткнувшись о торчащий из песка кусок гнилого дерева, я с трудом преодолел расстояние до цели и, войдя в его тень, осмотрел обрезанный отсек вблизи. Ничего интересного не обнаружив, я медленно обошел его вокруг, пытаясь найти место, через которое можно было бы проник-

нуть внутрь. Вначале мне показалось, что туда можно было попасть с любого из обрезанных краев. Этот фрагмент был небольшим и, насколько я помнил из предыдущих полетов, не имел сплошных внутренних переборок. Но, представленная для моего обзора картина заставила разочароваться.

Края разрывов с обеих сторон были таким образом сложены, будто их разрезали на лепестки ромашки и загнули затем внутрь. Кошка, к примеру, или маленькая собачка там, наверное, пролезли бы. Но, я едва смог бы просунуть только руку. Жаль, что я не кошка.

Как там вообще кто-то еще смог остаться в живых, было непонятно. И теперь наступило самое время было подумать о чуде и помолиться. Я так и сделал бы обязательно, в свете открывшихся обстоятельств, знай хоть пару строк из молитвы.

Из всего увиденного, единственным входом мне представлялась тот самый, с оторванным теперь люком, у которого стоял я в момент прощания красивой стюардессой по имени Алина, и через который меня выкинуло наружу. Еще бы этот вход был в зоне доступа. Но, нет. Простых задач мне не предлагалось. Все – шестого уровня сложности. До люка, по моим прикидкам было не меньше двух с половиной метров. По высоте, заметьте. Недалеко, к примеру, для чемпиона мира по прыжкам с шестом, но для меня - высокогато.

Только сейчас мне пришло в голову, что куртка, которую я держал при выходе, все еще у меня в руке. Я так крепко

сжимал ее все это время, что кисть даже немного затекла. Не видно было только рюкзака. Бросив куртку на песок, я прыгнул. Раньше, никогда особенной прыгучестью я не отличался. Лужу небольшую, крохотный декоративный заборчик на даче, кошку, в конце концов, или коробок спичек я еще мог бы перемахнуть, если что, если вдруг припрет. Но, что именно сейчас меня заставило попытаться запрыгнуть на такую высоту? Загадка была еще та.

Одним прыжком достать до люка, конечно же, не получилось. Только с третьей попытки, после долгой передышки и уже почти разочаровавшись в своих силах, чудом не вывернув себе пальцы, я уцепился одной рукой за отвисший кусок обшивки и чуть не выпустил его от неожиданной боли в боку. Ребро мстило мне за такую немыслимую прыгучесть. Пока не поздно, пока были силы в другой руке, я тут же схватился ею за торчащий обрывок металла, и снова вскрикнул от еще более резкой боли. Теперь уже от боли в ладони. Как всегда, что-то, да пойдет не так. Закон бутерброда, знаете ли, касается не только падающих предметов, но и пытающихся запрыгнуть выше своей головы. Мысленно поздравил себя - напоролся на что-то острое, как бритва, и сверху мне на голову тут же закапала кровь. Собравшись с силами, рыча от обиды и боли, я выдернул раненую руку с острого обломка и передвинул хват правее, на ровное место, а затем подтянулся немного. Мокрая, липкая ладонь держалась неустойчиво, скользила и резала болью до самого локтя. Хорошо хоть по-

ка боль можно было терпеть. Однако, полагаться на это временное облегчение не стоило. А внизу, подо мной, будто специально приготовленные для такого случая, валялись обрезки от обшивки. От этого самолета или другого, то не имело принципиальной разницы. С такой высоты они все выглядели достаточно острыми. И падать сейчас было бы глупо по нескольким причинам. Вторично мне такой подвиг не совершить, да и распороть еще и ногу в дополнение к руке – тоже можно было запросто. К тому же, я все четче и разборчивее слышал какие-то звуки из салона. И они заставляли меня продолжать подъем. Пришлось, жмурясь от боли, подниматься и не роптать.

Цепляясь носками кроссовок за швы и заклепки алюминиевых листов и рискуя сорваться вниз, я еще немного подтянулся, чтобы перехватиться здоровой рукой за широкий порог люка. Чуть не задохнулся от напряжения, в глаза потемнело от усилия и боли. Но, это удалось, слава Богу. Поднявшись выше, я смог просунуть внутрь локоть. Потом второй, и так, упираясь локтями, завис, стараясь отдышаться и оглядываясь, насколько позволял обзор. Глаза еще не привыкли к темноте после яркого солнца, и полумрак люка несколько меня не просветил относительно стонущей внутри жертвы.

Да! Совсем забыл упомянуть Солнце стояло в зените. Что было странно. Очень странно и удивительно. Ну, просто до дрожи во всем теле, рождающейся несмотря на страшную

жару. Все дело в том, что мы прилетели в сырую хмурую от дождей и мокрого снега Москву, а тут! Тут же было лето. Жаркое тропическое лето и к моменту, когда я заглянул в салон, моя рубашка покрылась потом от напряжения и нещадно палящего светила. Ну, да ладно. О погоде в рекламную паузу. А пока.

Когда глаза адаптировались к темноте, я смог осмотреться в поисках опоры. Все-таки, висеть в положении подвешенного окорока было слишком тяжело. Силы из меня утекали, частично вместе с кровью из порезанной ладони, и рука постепенно немела и неприятно холодела.

Пригляделся еще и, наконец, что-то увидел. Все в самолете все было вверх дном. Пахло алкоголем. Прямо на противоположной двери собралась приличная лужа красно-бурой жидкости из разбитых бутылок. Там же валялись две тележки с напитками в тетрапакетах. Продуктовые наборы (оказывается, они все-таки на самолете были), рассыпав свое содержимое, белели рядом со стопками бумажных стаканчиков и мусорными мешками. Красной линией кетчупа была прочерчен потолок отсека, оказавшийся теперь дном. Ни единой лампы, даже аварийной, не горело. Но, рядом с моим местом оказалась небольшая стойка, за которую можно было бы уцепиться.

Кажется, пора выбираться из состояния подвешенного кокона. Куколка рождается! Стараясь не выказывать жалость к самому себе и усмехаясь над своей "везучестью", я начал

продвижение в салон. Не обращая внимания на боль и слабость в левой руке, закинул ее внутрь и, вцепившись в выступающую дверцу, втащил свое тело наверх. Что сказать, подвига я, конечно, не совершил, но после выполнения таких упражнений каждый день, этим подвигом вполне гордится в будущем.

Наступить было некуда. Но, если взяться за порог изнутри, можно попробовать запрыгнуть на одну из торчащих ребер декоративной отделки потолка. Естественно меня все еще интересовал вопрос – откуда доносился стон, который я слышал раньше. В этот момент в салоне как раз установилась подозрительная тишина. И она вызывала тревогу. Недавно же кто-то подавал признаки жизни. Какая-то женщина. Ошибиться я не мог. Сел на порог, рядом с острым куском крепления двери, о который распорол ладонь. Боль в руке снова резанула, напоминая о недавней встрече, но я не почти обратил на это внимания и еще внимательнее осмотрел внутренности отсека, находящиеся прямо подо мной. И только теперь заметил кусок черной униформы, торчащей из-под тележки среди наваленных вразброс продуктовых наборов. Это была форма стюардессы. По всему, за тележкой находился человек, девушка. Если бы я чуть раньше решил спрыгнуть вниз, то вполне вероятно приземлился бы на эту самую тележку Хорошо, что не поторопился. Лежащей там девушке это, по меньшей мере, не понравилось бы.

Нужно было как-то добраться до нее, но для акробатиче-

ских этюдов внутри салона мне потребовались бы все мои силы. С раной на руке, сочащейся до сих пор кровью и сломанным ребром они были ограничены. Поэтому, первым делом я осмотрел руку. Ладонь изнутри была вскрыта, словно консервным ножом и из торчащих в разные стороны лохмотьев кожи обильно сочилась красная сукровица. Не думая долго, я решительно оторвал один рукав от рубашки, располосовал его на ленты и парочкой из них перетянул рану. Ткань тут же намокла, но хоть капать перестало. Рука, конечно, была нужна еще во всех моих передвижениях, так что, придется потерпеть. Потом, когда все закончится, займусь ей по-настоящему. А пока...

Для спуска вниз я решил воспользоваться фальш-потолком салона. Конечно, долго он меня выдержать не сможет, но, мне ведь не это от него требуется. Придется снова потерпеть. Совсем немного. Теперь уже ему.

Повернувшись лицом к входу, я начал опускаться на руках, и, едва дотянувшись до первого прочного основания, смог опереться носком ботинка о край панели. Она угрожающе закрипела, но удержала, когда я стал на нее переносить тяжесть своего тела. Оказавшись на ней, я осторожно опустился на корточки и оглядел место, где виднелась одежды девушки, придавленной тележкой. Она не шевелилась. И уже не подавала признаков существования, ни звука. Чувствуя, что время на исходе и отменяя жалобы стонущих ребер и ладони, я ухватился руками за панель, на которой стоял

и начал опускаться дальше, целя ногами рядом с тем местом, где видел завал. Получилось встать рядом, на грудку мусора. Я очень надеялся, что сейчас под ней никого не было. Едва ощутив относительно твердую поверхность, я наклонился и взявшись за край телеги, осторожно приподнял ее. Снова кольнуло в боку, но, уже привычно и терпимо. Телега была тяжелой, даже для меня. Но понимание того, что там лежит человек, нуждающийся в срочной помощи, придало сил. Осторожно, напрягая все силы, чтобы не сделать неверное движение, я оттащил железного монстра в сторону и с грохотом перевалил ее за другую стойку, находящуюся на этом борту. Раздался хруст, и еще один кусок потолка в месте падения телеги потерял невинность.

Под тележкой, лицом вниз, лежала девушка. И я узнал ее. Это была Алина. Стройные ноги ее были забрызганы соком и вином, юбка задралась, обнажив ажурное белье и, наклонившись, я поправил ткань. Теперь следовало бы определить степень повреждений. Но, трогать ее, рискуя повредить ей, я не стал.

- Эй! – Я слегка дотронулся до плеча девушки. – Как Вы! Слышите меня?

Молчание. Тогда я все-таки решился и попытался перевернуть девушку, чтобы освободить ей лицо. Несмотря на то, что она была достаточно худенькой, пришлось приложить некоторые усилия, чтобы положить ее набок. Вялое тело казалось ужасно неповоротливым и, вкупе с опасениями при-

чинить боль, сопротивлялось моим попыткам. Но, зато, в результате моих действия я услышал стон. Она была жива.

Кажется, ей повезло. Под Алиной, сплюсненные ударом, ровнехонько лежали три стопки стаканчиков. Если бы не они, парой царапин, которые «украшали» ее лицо, она не отделалась бы.

Лежащая передо мной, совершенно беззащитная девушка, была совсем не похожа на ту неприступную красавицу, которую я видел еще час назад, хоть красота ее никуда не делась. Но, вовсе не беспомощность и не испачканная всеми видами соков и вина одежда, делали ее другой. Умиротворенное лицо, слегка искаженное болью, требовало помощи. Но, я по-прежнему не знал, что с ней и как ей помочь и не навредить. Она была без сознания.

Прямо у моих ног валялась начатая пластиковая бутылка с водой. Едва заметив ее, я тут же почувствовал жажду. Вернее, вспомнил о ней, о того момента не обращавший на собственные ощущения особого внимания. Поднял ее и, открыв, брызнул на лицо девушке. Не знаю, что на меня нашло. Возможно, клиническая память предков, побывавших в упавших когда-то самолетах, помогла. Но, это помогло. Глаза Алины открылись. Ничего не понимая, она повела во круг невидящим взглядом, пока я отпивал из бутылки.

- Что Кто Вы? Что произошло? Где я? – Она смогла сконцентрироваться на мне, взгляд ее явно наполнился страхом, и она попыталась приподняться. Однако, это ей не удалось.

Резко дернув при этом головой, она застонала, схватилась рукой за затылок и прикрыла глаза. – Что Вы со мной сделали?

- Простите. Это не я. – Я сокрушенно покачал головой и пожал плечами. Других способом отмести отвратительные обвинения не в тот момент просто не нашел, - Кажется, мы оба попали в беду. Вы можете подняться? Что у Вас болит?

Она еще раз, внимательно посмотрела на меня, теперь уже чуть с меньшим подозрением, снова огляделась вокруг и решительно вытянула руку в мою сторону. – Помогите встать.

Я подхватил ее тонкую ладонь и осторожно потянул. Она начала подниматься и снова застонала, опять схватившись за голову.

- Голова Болит. Кажется, меня чем-то ударили

- На Вас тележка упала. А как Вы вообще? В целом? Шея? Руки, ноги? Не болят?

- Вы что, врач?

- Нет Но, курсы когда-то проходил. Если голова кружится, то лучше еще полежать.

Она наморщилась при этих словах, но продолжила подниматься.

- Полежать здесь? - И повела глазами по царящему повсюду разгрому. – Вы в своем уме? Пустите!

Я только заметил, что с удовольствием продолжаю держать ее за руку, хотя она уже самостоятельно стоит на ногах.

Девушка заметила, что вся перепачкана кетчупом и сока-

ми и принялась очищать с себя грязь салфетками, валявшись тут же.

- Отвернитесь! – Ее требовательный голос раздался в тот момент, когда я начал строить планы по покиданию отсека с девушкой на руках, со своими сломанным ребром и рукой, саднившей от пореза. Прикидывал, как удобнее поставить тележки друг на друга, чтобы они не упали, когда ее резкий голос вывел меня из раздумий.

- Простите я и не думал за Вами наблюдать. Смотрел в другую сторону.

- Все равно. Я хочу переодеться. – Пошатнувшись, она шагнула к одному из ящиков и после нескольких подергивания и щелчков задвижной, смогла открыть дверцу, оттягивая ее вверх и вбок. Пошарив там руками, она досадливо наморщила носик и, захлопнула крышку. – Не здесь. Где же? А!

В следующем ящике она нашла то, что искала и, скользнув по мне острым взглядом повторила – Ну!

Я постарался улыбнуться, как можно незаметнее и отвернулся в сторону остатков салона. Людей там, кажется, не было. Пассажиров вывели раньше, а экипаж куда-то ушел непосредственно перед взрывом. Да, и взрыв ли это был? Кажется, из всего самолета, только мы вдвоем и этот кусок металла не находились сейчас на асфальте Шереметьево. Передней части корпуса, вместе с кабиной летчиков и бизнес-салонном тоже ведь не было. Пустые останки самолета теперь вызывали чувство тоски и, как ни странно, ожидания чего-то ост-

ро-опасного, на грани приключений Джеймса Бонда. А что? Чем я не агент-007? Вот и девушка у меня есть.

Я осторожно заглянул за плечо, туда, где шуршала одежда, и тут же наткнулся на гневный взгляд амазонки.

- Вы что? Подсматриваете? Вы в своем уме? Отвернитесь!! - Хотя нет. Не моя девушка.

- Да, нет - Замямлил я и мысленно плюнул. Джэймс Бонд Идиот! Было немного смешно, стыдно и неудобно, будто меня застали у щели в женскую баню. Правда, стыд вскоре пропал, и я улыбнулся. Тоже мысленно. Мы были здесь вдвоем, впереди еще неизвестно какие опасности, а она боится выглядеть в моих глазах неопрятной или полураздетой.

- Все. Можете смотреть. – Теперь ее голос казался почти дружелюбным. Я обернулся.

Меня всегда поражали женские способности к перевоплощению. Еще в студенчестве, когда мы отдыхали в компании девчонок, их перевоплощения за короткое время казались равноценным настоящему чуду. Но, Алине удалось удивить меня еще раз. Всего несколько минут моего визуального отсутствия, и я увидел совсем другую девушку.

Она казалась амазонкой. В самом амазонском смысле этого слова.

На ней были джинсы. Весьма своевременная и удобная для ползания по стенам, запачканным кетчупом, одежда, надо сказать. Небольшую, красивую грудь ее обтягивал легкий свитер, возможно не совсем уместный там, снаружи, в ди-

кой жаре тропиков, но она же не знала еще об этом. Хотя, в отсеке уже было ощутимо жарко. Видимо, все-таки, моему черствому уму не дано было понять, логику ее выбора. А, может, у нее просто не было другой одежды? Единственно, что волосы ее были распущенными, и я подумал, что она не собирала их исключительно из-за боязни задеть ушиб на голове. Только вот на ногах у нее по-прежнему красовались туфли на широких каблуках. Довольно удобные для самолетных проходов, конечно, однако сейчас они могли стать помехой. Я ничего не сказал по их поводу, но обещал себе приглядывать за ней, когда настанет момент карабкаться наверх. Ну не в том смысле, конечно, как можно себе представить, видя ее стройные ноги

В общем я совсем запутался от собственных мыслей, покраснел и отвернулся.

Убедившись, что я оценил ее талант к переодеванию, она улыбнулась своей прежней улыбкой и, упершись в бока ладонями, произнесла:

- Ну! Что будем делать? Где мы? И что случилось? Говорите уже. Не молчите!

- Что тут сказать - Пробормотал я, снова притянутый взглядом к ее ладной фигурке. – Хорошо получилось. Даже слишком.

- Не ерничайте! – попыталась она рассердиться, но было видно, что ей понравился мой тупой комплимент. – Что делать будем, господин пассажир?

- Веет теплом от того, что Вы меня помните. – Я улыбнулся, и, чтобы не навлечь на себя ее гнев, добавил. – Нужно выбираться отсюда. Но... - Я помялся, думая, как бы предупредить ее о погоде снаружи. - Там довольно жарко, знаете ли.

- Да что Вы говорите! – Она вся светилась от иронии. – А то я не заметила, по жаре, в которой нахожусь

- Да. Но, там еще жарче. Хотя - Я махнул рукой. - Давайте и вправду выбираться отсюда. Не знаю, куда мы попали, но здесь, возможно, опасно. Как, кстати, Ваша голова? Болит?

Она притронулась рукой к затылку и еле слышно замычала. – Шишка. Кровь там. Может, посмотрите? – И умоляюще глянула на меня, слегка наклоняя голову.

Картина, которую я увидел, была нерадостной. Спекшаяся кровь в спутанных волосах. Ушиб был сильным, но чтобы его обследовать следовало иметь больше света и дезинфицирующий раствор. Хоть спирт. Под такой копной трудно было что-то рассмотреть. Я осторожно потрогал волосы вокруг раны, и она снова издала стон. – Больно же! Осторожнее! Что там? Все плохо?

- Не так уж, - Двусмысленно выдавил я. – Вы замужем?

- Что?? – Она резко подняла голову, - Вы в своем уме? Я просто попросила Вас осмотреть мою рану. А Вы о чем подумали? – Она гневно сверкнула на меня своим обаянием и встала на ноги.

Я испуганно выставил вперед руки.

- Простите, простите! Я же просто хотел сказать, что до

свадьбы заживет! Вот. И все Так обычно говорят детям. Простите, если оскорбил. - Алина остыла так же внезапно, как и вспылила и улыбнулась едва заметно. – Там, конечно, ушиб. Есть кровь. – Добавил я осторожно и тут же успокоил. – Со всем немного! Выберемся наружи и промоем Вашу рану. А пока. Я предлагаю, раз уж Вы в брюках, первой полезете Вы. Я подсажу. Но, наружу придется прыгать. Там невысоко, метра два. Может, чуть больше. Но, вы девушка высокая, справитесь, я думаю.

Она кивнула. Кажется, мой отчет о ране ее мало успокоил.

- Как будем действовать? И что с Вашей рукой?

- Рукой? – Я будто только что вспомнил о порезе. – Ерунда. Царапина. – Приятно было строить из себя героя перед красивой девушкой, пусть и незнакомой и я снова вспомнил о роли Джеймса. - Я составлю тележки. Одна на другую. Вы, пожалуйста, встаньте в проход. Если там увидите что-то подходящее для подставки под ноги, скажете. Хорошо?

Она снова кивнула и осторожно заступила на боковую обшивку отсека, которая под ее весом прогнулась и затрещала. Прежде, чем действовать, я постарался собрать упавшие комплекты питания, казавшиеся наиболее целыми, воду и все что могло бы нам пригодиться. Жалко был ступать по ним. Ведь, неизвестно было, где мы оказались и скоро ли окажемся среди людей.

Вполне возможно, каждая испорченная сейчас и не выпитая потом бутылка воды когда-нибудь напомнит о себе жаж-

дой.

Все собранное отложил в сторону, чтобы ненароком не повредить, когда будем выбираться из ловушки. Все это время Алина вроде бы смотрела за моими действиями, но краем глаза я заметил, что она едва заметно покачивается.

- Вам плохо? Вы бледная. Может, сядете? Отдохните, пока я сооружу для нас лестницу. Вам помочь?

Девушка помотала головой и попыталась присесть, удерживаясь за край перегородки, как вдруг ее сильнее качнуло, руки ее подломились, и она начала падать на иллюминаторы, находившиеся сейчас как раз под ней. И как я успел подхватить ее, сам не знаю. Видимо, все-таки ожидал от нее чего-то подобного и успел буквально на последней секунде. Осторожно положив драгоценную ношу на переборку, я метнулся назад, достал из нижнего ящика стопку пледов, в пластиковом мешке, увиденном мной раньше и вернувшись, осторожно подложил мешок ей под голову. Из кучи отложенных продуктов достал бутылку воды и, намочив пачку салфеток, валившихся на переборке, положил мокрую нашлепку девушке на лоб.

Нужно было быстрее выбираться отсюда. Салон уже раскалился так, что дышать нечем. Единственная дверь почти не пропускала свежий воздух. Ей и плохо то стало, скорее, от жары. Я думал об этом все то время, пока тасовал тележки, выстраивая пирамиду для нашего побега.

Сооружение, которое получилось, выглядело крайне

ненадежным и зыбким. Временами оно двигалось в какую-то сторону, затем останавливалось и упрочивалось в новой позиции. Но, лучшего варианта у нас все равно не было.

- Алина! – Я оглянулся в сторону девушки и, не услышав ответа, подошел к ней. Она лежала на спине, в том же положении, в котором я ее оставил, только теперь голова ее была повернута на бок. Она по-прежнему молчала, но была в сознании. По ее лицу катились слезы. – Вы плачете? Вам плохо? – Я наклонился и тронул ее за плечо.

- Да мне плохо - Она всхлипнула сильнее, ее тело покачнулось, и обшивка под ней издала неприятный ломающийся звук. – Ой!

- Вставайте скорее! Нам нужно выбираться отсюда. Давайте я помогу. – Она вцепилась обеими руками в мою, и я легко поднял ее. Тонкому пластику этого оказалось достаточно. Раздался предупреждающе хруст и под каблуками ее туфель образовалась большая трещина. Один каблук провалился сразу в пустоту, она вскрикнула и шагнула свободной ногой ближе к выходу. Но, трещина догнала ее, и второй каблук также провалился.

- Лучше снимите. Я их достану, когда Вы подниметесь. Если они Вам нужны.

Она посмотрела грустным взглядом на застрявшую обувь и помотала головой.

- Оставьте. Куда я в них. – Потом помолчала, о чем-то раздумывая, затем разулась и, осторожно ступая между пят-

нами соуса и вина, пробралась в проход. Все это время она опиралась на мою руку и, даже оказавшись там, не выпускала ее из своих пальцев. - Где-то - Алина приложила тыльную сторону руки к губам, вызывая что-то из памяти, потом, совсем по-простецки приложила ладошку к макушке, ощущая вздыбившуюся там шишку и это, видимо, ей помогло. – А! Вот! Она подняла руку к одному из шкафчиков, висевшего над нами и открыла защелку. – Помогите.

Я подскочил и придержал тяжелую крышку, открывая ящик для личных вещей экипажа. Оттуда посыпались кульки, свертки, и один из них она подхватила на лету.

- Воот! Ура! Это ботиночки Ольги. Все время мечтала их поносить! – Потом она заметила, что я все еще держу свою ношу и скомандовала – Да, опустите же Вы крышку.

Пока она обувалась, а я закрывал шкаф, трещина дошла уже до нашего прохода и, повернув, направилась к нам.

Ботиночки были довольно милые, но слишком теплые, почти зимние, и я успел подумать, как бы мне, выбравшись наружу, не пришлось по ее просьбе, лезть внутрь по новой, чтобы прихватить одежду и обувь полегче. Но, времени на раздумье у нас было мало.

- Еще немного и мы провалимся под потолок. – Постарался я предупредить спутницу как можно спокойнее. Она кинула взгляд на приблизившуюся трещину и в два приема забралась на первую тележку, ведущую в небо.

- Вы лезете? – Ее, немного дерзкий тон вызывал улыбку,

но и на улыбки времени тоже не было.

- Сначала Вы! Я потом. Нас двоих это, - я указал на конструкцию, - может не выдержать. – Lady first! Только наверху будьте осторожны. Там есть острый край. Я об него как раз и рассадил руку.

- Хорошо. - Девушка улыбнулась и послушно продолжила подниматься по скрипящей, качающейся пирамиде. Впрочем, добраться до люка было гораздо легче, чем прежде спуститься с него вниз, и через минуту она уже сидела на пороге, слегка покачивая ногой. Невыносимо далекая и прекрасная.

- Спускайтесь вниз! Потом я начну подниматься. Боливару не снести двоих. – Кажется последняя фраза ей показалась интересной. Она даже забыла возмутиться моей манерой говорить в командном тоне.

- Боже! Вы читали О Генри? Вот же мне повезло. Ладно, ладно. Не сверкайте глазами. Попробую спрыгнуть. – Я не стал переубеждать ее, говоря, что книгу я не читал, но видел фильм и предупредил.

- Так сразу не прыгайте. Сначала опуститесь на руках, как можно больше.

- Сама не сообразила – Раздался ее ироничный голос уже снаружи. Вскоре руки ее разжались и оттуда, где слышался легкий шлепок, донеслось – Все! Я здесь! Спускайтесь! – Потом, через мгновение. – Да. Как Вас там? Пассажир! Прихватите, пожалуйста воды и эти туфли мои. Я хоть каблук ломаю, да похожу. Здесь такая жара.

- Хорошо! Минуту! Их еще вытащить нужно. – Последние слова я сказал больше для себя, разглядывая застрявшую обувь. Среди вещей, выпавших из ящика, я подобрал одну из самых вместительных сумок с надписью АЭРОФЛОТ. Барахло, там до этого момента гнездившееся, я выбросил не без доли сожаления. Мы выживали и нам могло пригодиться буквально все. Однако, тут было не до церемоний. Вода и еда могла нам пригодиться гораздо раньше всего другого. Нагрузив конфискованную вещь бутылками, сэндвичами и печеньем, я сверху уложил туфли и закинул ее на плечо.

Подъем прошел неплохо. Весьма. Не считая того, что я зацепился своей поклажей за край люка, все было прекрасно.

Когда я оказался наверху, на меня пахнул тугой поток жаркого воздуха. Кажется, мы попали с самый разгар тропического лета.

Осмотревшись и убедившись, что девушка достаточно далеко отошла от люка, я сначала перебросил на ту сторону баул с продуктами, затем перенес себя. Спрыгнул вниз, ожидая рывок от поклажи и боль в руке. Но, боль ударила в другом месте. Я совсем забыл про ребро и, кроме этого еще и почувствовал, как ступню прошило, словно молнией. Торчащий из песка, камень пришелся как раз на центр правой пятки. Нога онемела на какое-то время, ребро полыхнуло огнем, и из меня сам собой вырвался легкий мат, но распространяться по этому поводу я не стал. Девушка могла услышать. Только крикнул от досады и старался не подавать вида.

Когда я смог выпрямиться и оглядеться, она уже стояла рядом.

- И? Что дальше? – Был ее первый вопрос. Но, за меня ответил другой человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.